

ЛЮДЕЙ моего возраста называют ровесниками века. Если быть предельно точным, то я моложе нашего века на год. 70 лет — время, когда, окидывая мысленным взглядом пройденный путь, человек в состоянии отделить в нем главное от второстепенного, определить, что же было самым важным и значительным в жизни.

Самым значительным и прекрасным в моей жизни было, есть и остается искусство актера — моя профессия, которой я горжусь и которой посвятил 50 лет. В итоге — свыше 60 ролей в кино и еще больше — на театральной сцене.

Моя профессия — мое богатство, моя радость. И мне очень хочется поделиться этим богатством с читателями.

О работе артистов рассказывал недавно на страницах «Вечерней Москвы» мой друг по искусству кино Борис Андреев. Сегодня, в начале театрального сезона, мне хочется продолжить этот разговор, потому что он представляется мне особенно важным. Ведь у нас в стране любят театр. Хотя есть такая точка зрения на искусство актера: дескать, не труд это, а баловство — ни учения, ни умения оно не требует. Есть и другое заблуждение. Иные благоговейно восклицают: артист — де жрец искусства! На самом деле все обстоит так же, как и во всех других профессиях. Чтобы создать правдивый образ, нужен труд, труд и еще раз труд. И талант.

Актер должен уметь жить в том мире, который предлагает ему роль. На репетиции, на спектакле, на кино съемке он должен быть убежден, что сегодня его зовут, скажем, Александр Андреевич Чацкий или Иван Александрович Хлестаков. Актер должен глубоко верить в то, что сегодня его окружают не товарищи по работе, а московские бары или провинциальные взяточники. А раскрашенные фанерные щиты, среди которых он находится на сцене, должны казаться ему комнатой старинного московского особняка или номером плохонькой провинциальной гостиницы.

Без умения верить воображению, доверяться фантазии, без способностей над вымыслом слезами облитесь, как говорил Пушкин, нет ни актера, ни актерского искусства.

И еще одна особенность нашей работы — актер, воссоздающий на сцене человеческие образы, черпает материал для своей работы в самом себе. Он сам и мастер, сам и инструмент,

сам и материал, сам же и готовое произведение. Его голос, темперамент, обаяние, юмор, внешность, наконец, — вот орудия его работы.

Суть же актерского творчества — в умении перевоплощаться, забывая о своей индивидуальности, проникать во внутренний мир образа героя, в его психологию, мышление, поведение. В связи с этим актер старается и свой внешний облик переделать, приспособить под физические

его к самому себе и ужасался — как смогу дотянуться до Максима, стать носителем его духа, энергии, воли?

Возраст? Он примерно был у нас с Максимом один. Внешность? Ей бы следовало быть более внушительной, но в конце концов никаких физических дефектов во мне не было. Мировоззрение? Убеждения Максима я мог бы передать правдиво. Темперамент, оптимизм и верность

дела, крепкое товарищество, преданность делу страны и партии.

Все это я постарался перенести в роль, которую теперь надо было сделать видимой и слышимой для зрителей. Ее надо было сыграть. Надо было зажить жизнью героя и заинтересовать зрителя его судьбой, заставить его поверить в правду создаваемого образа.

Оказалось, что не так-то легко и просто осуществить в роли то, что надумал и напридумывал вокруг образа. И тут совершенно необходимой стала помощь режиссеров, которые были рядом, помогали советом и делом.

Мы много репетировали, и репетиции эти принесли огромную пользу. Я сжился с ролью, и это помогло на съемке, где окончательно сформировался образ Максима. Стоя перед киноаппаратом, я чувствовал особую ответственность — ведь теперь я играл перед скрытыми где-то там, в глубине объектива, глазами будущих зрителей. Откуда-то пришли новые, дополнительные краски и детали поведения Максима. Еще глубже открылась его душа — честность, непреклонность безраздельно преданного великому делу Революции человека.

А потом фильм вышел на экран, и я узнал, каким нужным и даже необходимым людям оказался мой Максим.

Рассказ о том, как я работал над ролью Максима, не может, конечно, объяснить всего разнообразия способов актерской работы, но он показывает один из путей, какими мы, артисты, идем в своем творчестве.

Мне хотелось, чтобы, следуя за мной по этому пути, читатели ощутили ту радость, какую испытываю я от соприкосновения с прекрасным моим трудом, и гордость, какую дает мне сознание, что наше искусство приносит радость человеку, воспитывает его, помогает ему.

Наша партия возлагает большие задачи на работников искусства и, в частности, на театры, в задачу которых входит отразить в сценических созданиях жизнь наших современников — советских людей, строящих коммунизм.

Любой, кто причастен к нашему актерскому труду, до последнего вздоха не оставит своего великого дела — помогать людям своим искусством быстрее идти вперед, освободиться от старого в своих душах, обрести новое отношение к миру.

С Ч А С Т Ь Е Б Ы Т Ь А Р Т И С Т О М

Борис ЧИРКОВ,
народный артист СССР

данные того человека, которого он изображает. Ему надо и внешне перевоплотиться.

Чтобы не быть голословным, приведу пример из собственной практики — расскажу о том, как рождался образ Максима из фильма «Юность Максима».

Мне вспоминаются первые впечатления от новой роли. Сначала я прочитал сценарий как зритель и увидел роль и весь будущий фильм как бы со сторны. Время вернулось назад. На этот час я переселился в Санкт-Петербург... Прочитал слово «конец», полистал сценарий и снова принялся читать. Но теперь все внимание сосредоточил на Максиме, на его действиях, на всех обстоятельствах, с ним связанных. И после этого уже не мог быть объективным читателем — сопоставлял Максима с собой, примерял характер

долгу — да, я был беднее Максима по этим качествам. Но ведь и не вовсе лишен их.

И еще одно: Максим — молодой человек своего времени, перед ним раскрывается жизнь, и фильм — это рассказ о том, на какую дорогу он выходит, как начинает свой путь. Но я ведь тоже молодой человек, и передо мной жизнь, которую я хочу прожить как можно лучше и сделать разумнее, красивее. Пожалуй, я и есть Максим, только в иное время, в иных обстоятельствах.

Примерно с такими рассуждениями приступил я к работе над ролью. Трудно передать все то, что вошло в сложную смесь наблюдений, раздумий и ощущений, из которых я стал строить образ. Но главными были встречи с теми, кто стоял у жарких печей, кто управлял огромными станками, кто сноровисто действовал на станках. Я встретил в этих людях твердость и ясность убеж-

9 СЕН 1972

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА
г. Москва